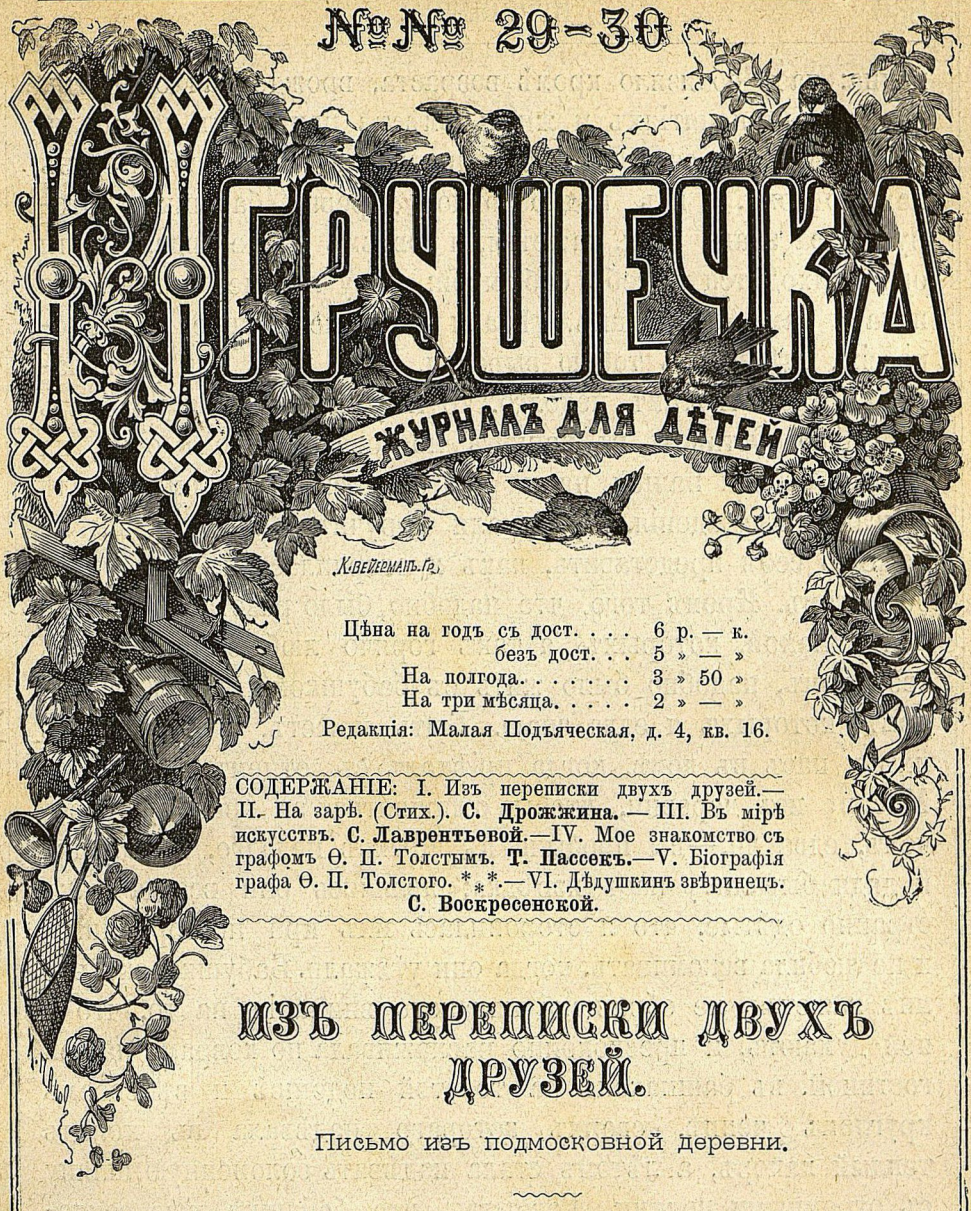

№ 29-30

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕРМАЛЬ Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ переписки двухъ друзей.—
 II. На зарѣ. (Стих.). С. Дрожжина.— III. Въ мірѣ
 искусствъ. С. Лаврентьевой.— IV. Мое знакомство съ
 графомъ Ѳ. П. Толстымъ. Т. Пассекъ.— V. Біографія
 графа Ѳ. П. Толстого. * *.— VI. Дѣдушкинъ звѣринецъ.
 С. Воскресенской.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ДВУХЪ ДРУЗЕЙ.

Письмо изъ подмосковной деревни.

ЖАКІЕ тяжелыя часы тоски и грусти пережила я въ эти дни, и столько впечатлѣній, что чувства не вмѣщаются въ душѣ моей, и я тороплюсь передать все тебѣ, мой милый Анатоль; съ тобой съ дѣтскихъ лѣтъ, я привыкла дѣлить и радости и огорченья моей тринадцатилѣтней жизни; съ тобой однимъ могу быть вполне откоро-

венна: насъ сблизило кромѣ возраста, врожденная симпатія, сходство въ понятіяхъ и жизнь вмѣстѣ почти отъ колыбели.

Ты удивишься, когда узнаешь, что я пишу тебѣ не изъ нашего дома, а изъ подмосковной деревни бабушки, которую едва знаю, а ты, кажется, и совсѣмъ ея не видалъ, хотя она приходится и тебѣ бабушкой; живу я у нея потому, что папа и мама, по дѣламъ, уѣхали въ наше имѣнье, въ Малороссію, гдѣ мы съ тобою выросли. Такъ какъ они располагають пробить тамъ недолго, то и рѣшили меня не брать съ собою. Оставить въ нашемъ московскомъ домѣ одну, на рукахъ старой нашей няни, они боялись, и потому, послѣ долгаго разсужденія, придумали поручить бабушкѣ. Ты не можешь себѣ представить, какъ я огорчилась, когда узнала объ этомъ. Кромѣ того, что надобно было разстаться съ папой и мамой, которыхъ, я такъ горячо люблю, и оставить свой домъ, надобно было жить съ бабушкой и дядей, ея сыномъ, которыхъ я едва знаю. Быть можетъ, и ты видалъ ихъ у насъ въ домѣ, когда пріѣхалъ съ отцемъ твоимъ въ Москву изъ деревни, чтобы отправиться за границу; впрочемъ, едва ли,—вы пробыли въ Москвѣ недолго, а бабушка и дядя бывали у насъ изрѣдка; являлись они всегда такъ странно одѣтые, что я сторонилась ихъ при постороннихъ, и не любила вспоминать, когда они уѣзжали. Бабушка, сколько мнѣ кажется, не обращала никакого вниманія на то, что о ней думаютъ, и преспокойно расхаживала по коврамъ нашей гостиной, въ башмакахъ на толстой подошвѣ и въ своемъ кругломъ чепцѣ, сверхъ котораго надѣвала въ холодъ теплый капоръ, а лѣтомъ стала надѣвать соломенную шляпу съ огромными полями. Говорятъ, что бабушкѣ уже семдесятъ лѣтъ, но она удивительно жива и проворна. Всякій разъ, пріѣзжая къ намъ, она привозила свѣжихъ яицъ съ своего птичнаго двора и осыпала меня ласками, несмотря на мою холодность. Сыну, я думаю, будетъ лѣтъ сорокъ—высокій, худой, съ зелеными очками на глазахъ, въ плащѣ планшеваго цвѣта, въ башмакахъ, подкованныхъ гвоздями,

онъ еще страннѣ бабушки: вмѣсто трости у него огромная палка, походка небрежная. Я отдалялась ихъ, сколько было возможно, чтобы не огорчить папы и мамы, потому что они очень любятъ ихъ.

Когда я узнала, что буду жить съ бабушкой и дядей до зимы, то вышла изъ себя отъ огорченья и страха, и прямо объявила мамѣ, что терпѣть не могу ихъ обоихъ.

— Оставь меня, гдѣ хочешь, только не у нихъ, говорила я, рыдая.

Мама встревожилась и ласково спросила меня, почему я не хочу жить у нихъ.

— Такъ, говорила я, они мнѣ не нравятся. Мама долго уговаривала меня, а я рыдала все больше и больше.

— Надѣюсь, моя Катя, говорила она, почти сквозь слезы, что ты не заставишь бабушку сожалѣть о томъ, что она согласилась оставить тебя у себя. Она добра и кротка до крайности и постарается доставить тебѣ развлеченія и удовольствія, какія только возможны въ деревнѣ, несмотря на то, что дѣвочка твоихъ лѣтъ тяготитъ старыхъ людей; мѣсяца два-три пройдутъ незамѣтно, продолжала мама, съ свойственной ей кротостію, успокойся. Если же ты, несмотря ни на что, будешь постоянно имѣть недовольный видъ, то огорчишь бабушку и насъ.

Я слушала маму, молча, не отвѣтила ей ни слова и всю ночь проплакала.

На другой день, папа, по глазамъ моимъ, замѣтилъ, что я плакала, и сказалъ:

— Катя, кажется тебя огорчаетъ не столько разлука съ нами, сколько нежеланіе жить у бабушки.

Я старалась удерживать слезы, но онѣ невольно катились изъ глазъ моихъ.

— Оставь меня, у кого хочешь, только не у бабушки, сказала я прерывающимся голосомъ.

— Что же такъ сильно отталкиваетъ тебя отъ этихъ добрыхъ, почтенныхъ людей,—неужели ихъ простота и не-

большія странности, выдѣляющія ихъ изъ того круга, къ которому ты привыкла? неужели, сквозь ихъ странную одежду, ты не замѣтила ихъ достоинствъ?

Я потушила полные слезъ глаза.

— Не надобно становить хорошія, теплыя отношенія въ зависимость отъ мелочного, шепетильнаго чувства, продолжалъ папа; ты же съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла жить безъ подругъ и не скучаешь уединеніемъ. Повѣрь мнѣ, проживши у бабушки недѣльки двѣ, ты отъ души поблагодаришь насъ, что мы, пользуясь ея снисхожденіемъ, отправили тебя къ ней. Будь же благоразумна и не огорчай насъ.

Я чувствовала, что папа правъ, и, сдерживая слезы, отвѣтила ему, что согласна жить у бабушки, постараюсь не скучать и угождать ей.

День отъѣзда папы и мамы былъ для меня днемъ грусти и отчаянія; бабушка и дядя пріѣхали къ намъ на зарѣ и старались всѣми средствами утѣшить меня, но ничто не удавалось.

Папа и мама были огорчены не меньше моего, въ послѣдній разъ обняли меня и вышли изъ комнаты;—я осталась почти внѣ себя. Вскорѣ послышался грохотъ отъѣзжающей кареты и топотъ лошадей: они увозили отъ меня все, что такъ дорого и мило моему сердцу. Вся въ слезахъ, я бросилась къ окну;—карета повернула за уголъ... въ другую улицу...

Бабушка едва дала мнѣ поплакать на свободѣ, надобно было отправляться къ ней. Передъ отъѣздомъ она отдала тысячу наказовъ, замѣчаній и приказаній нашей экономкѣ и прислугѣ на счетъ чистоты комнатъ, мебели и прочаго, сказала, что она сама будетъ наблюдать за исправнымъ выполненіемъ ея приказаній и пріѣзжать разъ въ недѣлю.

Я не могу ясно припомнить всего, что было въ этотъ день, и что я перечувствовала. Помню только, что бабушка и дядя были ко мнѣ очень нѣжны и внимательны, но я еще не могла и не умѣла оцѣнить ихъ добраго сердца и самоотверженія.

Бабушка, вмѣстѣ съ моей няней, увезла меня къ себѣ въ деревню. Комната мнѣ была приготовлена прекрасная, свѣтлая, просто, но удобно меблированная; одно окно выходило на просторный, поросшій травою дворъ, два другія окна—въ поле. Въ глубинѣ комнаты стояла простенькая, но очень чистая постель, съ бѣлой занавѣской изъ серпанки, такія же занавѣсы висѣли и на окнахъ. Рядомъ съ моей комнатою, въ маленькой комнаткѣ, помѣстили очень покойно няню. Присутствіе няни было мнѣ утѣшеніемъ. Мы пріѣхали въ деревню около вечера и, напившись чаю со сливками и мягкими булками, легли спать. Я не спала почти всю ночь, и только что заснула къ утру, какъ была пробуждена необыкновеннымъ шумомъ — шумъ этотъ выходилъ изъ многочисленнаго птичьяго двора, отдѣленнаго высокимъ деревяннымъ заборомъ; тамъ живутъ голуби, куры, гуси, индѣйки, утки—утѣшеніе и богатство бабушки. Два бѣлые голубка шумно прилетѣли и сѣли у моего окна; я перепугалась: такъ какъ занавѣсы были опущены, то я и не знала, что это за шумъ, который показался мнѣ въ полу-просонѣ страннымъ. Я встала съ постели и, раскрывши занавѣсы, узнала, что это голубки—вдругъ-то они представились мнѣ огромными, но, когда я разсмотрѣла, что это точно обыкновенные голуби, то и успокоилась. Мало по малу я совсѣмъ разгулялась ото сна, раскрыла занавѣсы двухъ другихъ оконъ и засмотрѣлась на долину, разстилавшуюся передъ моими глазами. По долинѣ текла рѣчка; освѣщенная восходящимъ солнцемъ, она блестѣла серебромъ; мѣстами эту рѣчку пересѣкають кустарники и группы деревьевъ. По одну сторону долины лиловымъ ковромъ раскидывался цвѣтущій ленъ и зеленый лугъ, по другую золотилась рожь, подернутая синими васильками.

Мнѣ казалось, вся природа улыбается мнѣ; въ первый разъ я видѣла деревню при восходѣ солнца—я была тронута и, въ какомъ-то пріятномъ волненіи, открыла окно. По голубому небу неслись легкія бѣлыя облачка.—Вдали

слышался легкій шумъ, предвѣщавшій пробужденіе жизни; чѣмъ выше поднималось изъ-за горизонта солнце, тѣмъ блестяще становились растенія и деревья, осыпанные росой; но всего больше привели меня въ восторгъ два высокіе тополя, которые росли въ недалекомъ разстояніи отъ моихъ оконъ. Ихъ листья, не тронутые даже самымъ легкимъ вѣтеркомъ, блестѣли, будто облитые золотомъ.

Что я чувствовала—нельзя выразить. Слезы—хорошія слезы катились по моему лицу: я дивилась величію Творца въ твореніи и думала о папѣ и мамѣ, думала, что и они теперь видятъ поля, лѣса, дышатъ, какъ и я, утреннимъ воздухомъ полей и молятся обо мнѣ, какъ и я молюсь о нихъ. Эти чувства влили мнѣ въ душу тишину и умиленіе и оживили сердце радостью.

— Катя! ты уже встала? сказала бабушка, увидавши со двора мое открытое окно.

Я вздрогнула при ея голосѣ, тотчасъ одѣлась и вышла къ ней, съ твердымъ намѣреніемъ вести себя такъ, чтобы она не сожалѣла, пріютивши меня въ своемъ домѣ.

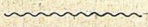
Вотъ уже другая недѣля, что я живу здѣсь, и чѣмъ больше узнаю бабушку и дядю, тѣмъ больше начинаю цѣнить ихъ и къ нимъ привязываться.

Пишу тебѣ, сидя у открытаго окна въ моей комнатѣ. Вечеръ теплый; тишина невозмутимая; рѣка какъ зеркало свѣтится сквозь деревья. Вотъ плыветъ лодочка рыбака, мѣрно разсѣкая воду; изъ-за рѣки слышится пѣсня,—пѣснью мы входимъ въ міръ прекраснаго,—такъ-ли, другъ мой Анатоль?

Жду отъ тебя письма изъ Италіи.

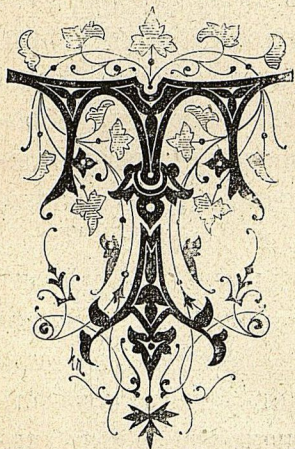
Твоя Катя.

Р. S. Письмо отъ тебя—изъ Рима! Я не успѣла запечатать моего письма, какъ мнѣ подали твое.—Отвѣчать буду послѣ; спѣшу отправить мое письмо на почту.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

Изъ переписки двухъ друзей.

Ы ВѢРНО получила мое письмо изъ Парижа, въ которомъ я тебѣ описывалъ луврскую галерею. Когда я тебѣ послалъ это письмо, мои вещи были уложены, и на другой день мы были уже на дорогѣ въ Римъ.

Монъ-Сенисская тунель, скрывавшая насъ въ своихъ черныхъ сводахъ въ продолженіи двадцати минутъ, Туринъ, Болонья и Флоренція промелькнули какъ во снѣ. Мы торопились въ Римъ, чтобы застать тамъ одно русское семейство.

Ну вотъ, мы и въ Римѣ; да въ Римѣ! Наскоро мы его объѣхали почти весь. Видѣли соборъ св. Петра, Колизей, Форумъ, Капитолій; посмотрѣли и на Тибръ. Въ немъ нѣтъ ничего хорошаго, даже съ трудомъ вѣрится, что эта глинистая рѣчка можетъ грозить жителямъ наводненіемъ. Но обо всемъ этомъ послѣ. Здѣсь что ни шагъ, то наталкиваешься на сокровища, которыя надобно изучать. Со временемъ, такъ какъ

мы пробудемъ здѣсь довольно долго, я познакомлю тебя со всѣмъ интереснымъ—конечно, вкратцѣ. Теперь я опишу тебѣ, гдѣ мы остановились и кого видѣли. Надобно тебѣ сказать, что, благодаря заботамъ того русскаго семейства, о которомъ я тебѣ упомянулъ, мы пріѣхали на готовую квартиру. Квартира эта находится около площади Барберини. Подъ окнами у насъ прекрасная каштановая аллея, тотчасъ за аллей, на право, монастырь капуциновъ, а на лѣво—башня съ часами. Я успѣлъ уже сбѣгать въ монастырь. Видѣлъ капуциновъ. Они одѣты въ коричневыя изъ толстаго сукна съ капишонами одежды и подпоясаны просто веревками, довольно толстыми, ноги босыя, только въ башмакахъ съ очень толстыми подошвами. На головѣ у нихъ коричневая же шапочка, еле прикрывающая маковку. Когда я вошелъ въ монастырь, тамъ никого не было. Въ гидѣ я прочиталъ, что въ этой церкви есть прекрасный образъ Михаила Архангела, Гвидо Рени. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ этотъ образъ, по моему соображенію, долженъ находиться, я вмѣсто образа увидѣлъ зеленую, довольно полинялую шелковую занавѣску. Не прошло и минуты, какъ ко мнѣ подошелъ очень хорошій, съ бѣлой, какъ лунъ, бородой, старичекъ-капуцинъ; длинной палкой онъ отдернулъ занавѣску, и я увидѣлъ, въ образѣ прекраснаго юноши, Архангела Михаила. Его чистое безмятежное лицо мнѣ очень понравились. Послѣ этого, старичекъ показалъ мнѣ въ стеклянномъ гробѣ, который находится подъ какимъ-то образомъ, не замѣтилъ хорошенько, и подлѣ котораго горитъ неугасаемая, какъ онъ сказалъ, лампада, капуцина, одѣтаго какъ они всѣ одѣты; когда я спросилъ его, что это за капуцинъ, почему онъ тутъ лежитъ и давно ли, онъ отвѣтилъ, что это ихъ бывшій настоятель и что лежить въ церкви уже очень давно.

Изъ церкви мы съ ними спустились въ подземелье. Знаешь, когда я вошелъ подъ эти своды, освѣщенные лампадами, на меня напалъ не то что страхъ, а такъ, какъ-то мнѣ точно жутко стало. Вообрази себѣ длинный корридоръ. На сводахъ,

КАПУЦИНЫ, ИГРАЮЩЕ ВЪ ШАРЫ.

сверху и по сторонамъ, украшенія изъ человѣческихъ костей. Даже лампы сдѣланы изъ тоненькихъ и мелкихъ частей человѣческаго скелета. Въ нишахъ стоятъ цѣлые скелеты.

— Что же все это значить? спросилъ я капуцина.

— Это наше Campo-Santo — кладбище, отвѣтилъ онъ смиренно.

Казалось, онъ чувствовалъ себя точно въ своей семьѣ.

— Видите, началъ онъ. Когда ктонибудь изъ насъ умираетъ, мы тотчасъ зарываемъ его здѣсь, и черезъ годъ, иногда и менѣе, отрываемъ. Если онъ хорошо сохранился, ставимъ въ нишъ; — дурно — складываемъ въ общую груду костей.

Я далъ ему небольшую монетку и вышелъ, нельзя сказать, чтобы подъ хорошимъ впечатлѣніемъ. Дома меня уже ждали и, не давши переодѣться, повели въ русское семейство. Оно живетъ почти рядомъ съ нами. Это семья художника. Она состоитъ изъ трехъ лицъ: его самого, жены, очень молодой женщины, и малютки-сына. Художникъ этотъ пенсіонеръ нашей академіи художествъ. Онъ уже оканчиваетъ свой шестилѣтній срокъ пребыванія за границей и собирался ѣхать домой, въ Россію.

Просидѣвши въ семьѣ художника довольно долго, мы, вмѣстѣ съ нимъ, пошли на Monte Pincio. Это возвышенное мѣсто, покрытое самой разнообразной растительностью. Здѣсь все есть: пальмы, алое, кипарисы, оливы, каштаны, миндальные деревья и цѣлыя аллеи розъ. Но это еще не все; отсюда весь Римъ точно на ладони. Видѣнъ св. Петръ, мостъ черезъ Тибръ и крѣпость св. Ангела — эта ужасная своими убіедами — тюрьмами крѣпость. Видны также и вилла Панфила, съ ея дивными пиньями — деревьями, если я не ошибаюсь, изъ породы елокъ, только ихъ форма зонтообразна, а ихъ мягкая зелень, точно бархатная; вся растительность находится наверху, стволы же совершенно гладкіе. Эта вилла находится налѣво, а направо виднѣется вилла Людовизе и гора Монте Маріо. Мы просидѣли здѣсь до заката солнца. Надобно тебѣ сказать, что Monte Pincio

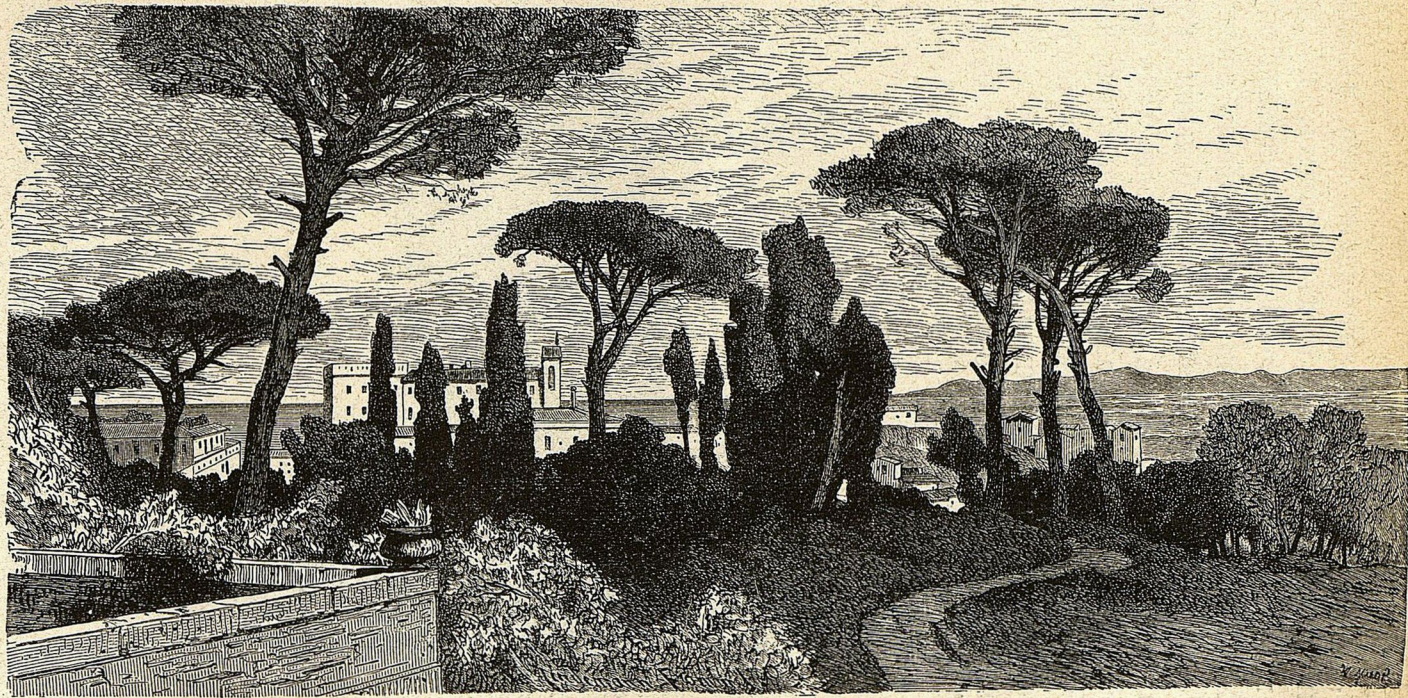
любимое мѣсто прогулокъ римлянъ. Экипажи поднимаются на него съ Piazza dell Popolo да такъ и ѣздятъ кругомъ до Ave Maria, т. е. до заката солнца. Когда закатывается солнце, по церквамъ раздается благовѣсть, и всѣ начинаютъ читать молитву—Ave Maria. Мѣстные жители послѣ заката, какъ бы ни было жарко, тотчасъ надѣваютъ пальто или шали. Окна всюду закрываются. Они говорятъ, что въ это время легко схватываются лихорадки,—а римскія лихорадки ужасны. Спустя полчаса послѣ заката, окна снова могутъ быть открыты. Когда мы возвращались домой, ночь была замѣчательная. У насъ въ Малороссіи бываютъ такія ночи. Никогда не забуду этой іюньской римской ночи. Небо темносинее, унизанное блестящими какъ алмазы звѣздами. Въ воздухѣ тишина. Издали доносятся звуки гитары и мандолины (мандолина похожа на бандуру, съ желѣзными струнами; на нихъ играютъ не пальцами, а тоненькой косточкой или перышкомъ). Эти звуки смѣшивались со звуками пѣсенъ, а кругомъ, надъ лужкомъ и около деревьевъ, точно искорки или неподвижная золотая сѣтка, носятся лучоли—маленькія свѣтящіяся мушки.

Домой мы пришли поздно. Здѣсь настоящее гулянье вечеромъ. Caffè полны народомъ. Кто читаетъ газеты, кто пьетъ кофе или ѣстъ мороженое: все это дѣлается большею частию на воздухѣ. Подлѣ маленькихъ столиковъ, тамъ и сямъ, сидитъ самое разнообразное общество. Маленькія дѣвочки, и какія хорошенькія маленькія дѣвочки! одѣтыя въ чучарской костюмъ—знаешь, какъ ихъ рисуютъ, съ затканными разными узорами по синему сукну фартуками—съ бѣлой накидкой на головѣ и множествомъ бусъ на шеѣ; такія точно дѣвочки, подходятъ и предлагаютъ маленькія букетики фіалокъ. Какъ мнѣ хотѣлось поговорить съ ними, разспросить о мѣстахъ, гдѣ они живутъ!—онѣ приходятъ въ Римъ изъ деревень и служатъ большей частию моделями для художниковъ. Я много ихъ видалъ на картинахъ, а теперь онѣ живыя стоятъ передо мною и говорятъ мнѣ своимъ звучнымъ го-

лоскомъ „caro signorino, velete questi fiori“ (милый барченочъ, хотите эти цвѣточки). Продавцы сигаръ, спичекъ, газетъ не успѣваютъ смѣнять другъ друга. Итальянцы постоянно читаютъ газеты, много курятъ и, куря, такъ плюютъ, что непріятно даже видѣть.

Проходя по Piazza di Spagna, по срединѣ котораго находится фонтанъ, въ видѣ колоссальной, сдѣланой изъ камня лодки, мы увидѣли будочки, въ которыхъ дѣлаютъ лимонадъ. Публика осаждала эти будочки, и мы, желая также напиться, стали ждать очереди. Лимонадъ дѣлается очень проворно. Итальянецъ, взявши стаканъ, подставляетъ его подъ кранъ съ водой, проведенной изъ фонтана, и, ополоснувши его, кладетъ нѣсколько ложекъ сахарнаго песку и затѣмъ, разрѣзавъ пополамъ лимонъ и положивши одну половинку въ деревянную машинку, выдавливаетъ изъ нея моментально весь сокъ и, помѣшавши нѣсколько разъ костяной ложечкой, подаетъ желающему стаканъ, сдѣлавшійся отъ холодной воды матовымъ. Съ Piazza di Spagna, мы, по лѣстницѣ, идущей по обѣимъ ея сторонамъ, поднялись опять къ Pincio, но не пошли туда: вечеромъ оно запирается. Когда мы подошли къ нашему крыльцу,—мы живемъ во второмъ этажѣ,—художникъ зажегъ сначала спичку, потомъ черино, тоненькую восковую свѣчку, свернутую въ пачку—точно шнурокъ. Ихъ употребляютъ при входѣ на лѣстницы, такъ какъ онѣ въ Римѣ никогда не освѣщаются. Еще скажу тебѣ объ одной особенноти: здѣсь у подъѣзда нѣтъ колокольчиковъ, но у каждой двери придѣлано довольно большое желѣзное кольцо, а подъ кольцомъ желѣзный кружокъ. Когда желаютъ войти въ домъ, стучатъ этимъ кольцомъ разъ или два, смотря въ которомъ этажѣ живутъ. Тогда хозяйка или прислуга поднимаетъ веревкой, проведенной въ прихожую, дверную задвижку и впускаетъ жильца.

Когда мы стукнули въ дверь, въ окнѣ тотчасъ же появилась фигура нашей хозяйки и, сказавши намъ „ecco subito“ (сейчасъ), отворила дверь, начала спускаться къ намъ на

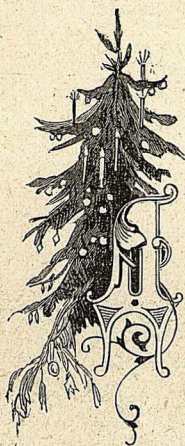
ПИНЬЯ.

встрѣчу, освѣщая лѣстницу лючерной: это мѣдная лампочка, на длинной ножкѣ, о трехъ рожахъ, въ которой горитъ масло. „Buona notte“ добрая ночь, сказала она, улыбаясь. Художникъ, проводивши насъ до двери, ушелъ, а мы вошли въ нашу квартиру. Это три большія комнаты, съ кирпичнымъ поломъ. Зимой на эти полы, какъ мнѣ сказали, настилаютъ солому и сверху кладутъ ковры, а лѣтомъ ихъ постоянно, передъ тѣмъ какъ мести, поливаютъ водой, что дѣлаетъ комнаты прохладными.

Вотъ тебѣ мои первыя впечатлѣнія. Скоро буду писать снова. А ночь-то какая! Совсѣмъ не хочется спать.

Твой Толя.

НА ЗАРѢ.

АЛЪ небесъ пылаетъ
Утренней зарей;
Вѣтеръ пробѣгаетъ
Тихо надъ травой;

Съ звонкимъ пѣньемъ птицы,
Крылья распустивъ,
Мчатся вереницей
Надъ равниной нивъ.

Отъ зари румяной
Загорѣлся лугъ,
И ползутъ туманы
Сизыя вокругъ.

Надъ большой дорогой
Въ зелени деревъ,
Въ улицѣ убогой
Смотрить рядъ домовъ.

Церковь одиноко
На горѣ стоитъ,
Въ тишинѣ глубокой
Людь крещенный спитъ...

Рано пробудился
Сельскій пастушокъ,—
Вышелъ и залился
Весело въ рожокъ...

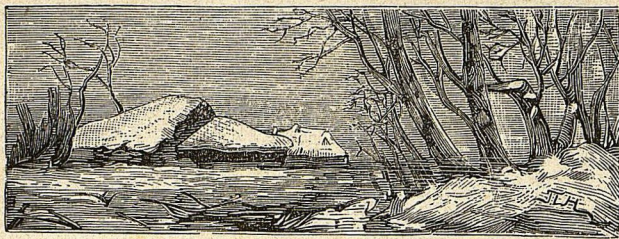
Тамъ и сямъ мелкнули
Въ окнахъ огоньки;
Изъ за нихъ взглянули
Бабы, мужики,—

Малыя ребята
Выгоняли скотъ,
И изъ каждой хаты
Двинулся народъ.

Косы зазвенѣли...
Дрогнули поля...
Полилися трели
Гдѣ-то соловья.

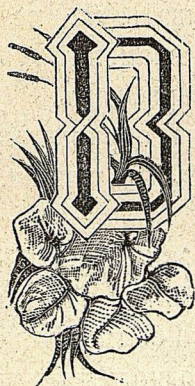
С. Дрожжинъ.

8 іюня 1881 г.

ВЪ МИРѢ ИСКУССТВЪ

(Скульптура, или ваяніе).

ВЪ СРЕДНІЕ вѣка снова возродилось мелкое ваяніе рѣзбы на камнѣ, образцы чего мы видимъ въ XV и XVI столѣтіи. За образецъ брали нерѣдко античныхъ мастеровъ и подражали имъ прямо, или же работая отъ себя, такъ художественно поддѣлывались подъ характеръ древнихъ произведеній, что часто очень трудно бываетъ отличить новое отъ античнаго. Всего болѣе въ этихъ работахъ отличались опять таки итальянцы. Лучшимъ изъ такихъ мастеровъ считается Валеріо Вичентино. Главное произведеніе его—ларчикъ, сработанный для папы Климента VII, хранящійся теперь въ флорентійскомъ музеѣ. Онъ составленъ изъ множества кристаллическихъ пластинокъ, на которыхъ вырѣзаны сцены изъ земной жизни Христа въ такомъ полномъ достоинства и величія, стилѣ, съ такой превосходной пластической отдѣлкой, что его надо поставить на ряду съ благороднѣйшими созданіями тогдашняго искусства. Затѣмъ можно назвать Марію ди Петіа, который сдѣлалъ такъ называемый печатный перстень Микель-Анджело, съ изображеніемъ вакхана-

ли,—камень, долго выдававшийся за антикъ и хранящійся теперь въ парижскомъ музеѣ.

Въ Германіи, въ XVI вѣкѣ тоже производилось множество мелкой рѣзбы по дереву, жировику и отборному мрамору, надъ чѣмъ трудились даже такіе знаменитые мастера, какъ живописецъ Альбрехтъ Дюреръ. Особенно значительна мелкая рѣзба въ изготовленіи портретныхъ медальоновъ, которые обыкновенно рѣзались по жировику или дереву, а также нерѣдко отливались и изъ металла.

XIV.

Медальерное искусство, искусство выбивать на медаляхъ различныя изображенія, чаще портреты знаменитыхъ людей, процвѣтало еще у древнихъ грековъ и римлянъ.

Уже въ первые періоды греческаго искусства, обращаетъ на себя вниманія прекрасная чеканка монетъ, съ типами, отличающимися живостью и благородствомъ.

Въ четвертомъ столѣтіи художественность этихъ работъ достигаетъ высшаго совершенства; она отличается не только исполненіемъ, но и полнотою содержанія. Всего болѣе были замѣчательны аркадскія монеты; не менѣе превосходны были и сиракузскія, обыкновенно съ головой богини на одной сторонѣ и съ четвероконный колесницей побѣдителей—на другой.

Послѣ Александра Великаго и его первыхъ преемниковъ, начинается входить въ обычай, вмѣсто изображеній боговъ, изображеніе головъ государей, и въ послѣдствіи принимаетъ сухость ремесла. То же проходило и съ медальернымъ искусствомъ древняго Рима. Въ IV столѣтіи, оно, мало по малу, стало приходить въ упадокъ, и снова возвысилось только съ XV столѣтія.

Въ этомъ столѣтіи, возникло въ Италіи искусство литья изъ бронзы медалей. Прелестныя изображенія, находи-

мыя на монетахъ классической древности, поощряли къ подобнымъ же работамъ. Главное имѣлось въ виду дѣлать медали, какъ самостоятельно-художественныя произведенія, какъ вещи на память, или на показъ. На передней, лицевой сторонѣ этихъ медалей видимъ обыкновенно голову или погрудное изображеніе какого-нибудь значительнаго лица, въ чью память онѣ выбиты; на оборотѣ—различныя изображенія или эмблемы, къ нему относящіяся.

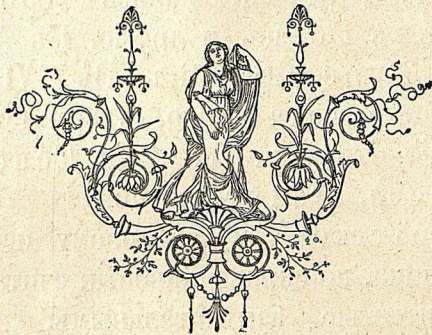
Такими работами занимались и многіе изъ прежде названныхъ мною скульпторовъ, какъ Бенвенуто Челлини, Донателло и другіе; кромѣ нихъ: Витторе Камеліо, въ Венеціи; знаменитый живописецъ Франческо Франчіа, изъ Болоньи и пр. Въ Германіи, кромѣ Альбрехта Дюрера, отличались Геронимъ Магдебургскій, Генрихъ Рейцъ и другіе. Въ Англіи и Франціи—Бріотъ, Дюпре и Варенъ. Въ XVIII столѣтіи медальерное искусство снова упало, и возвысилось опять въ XIX, во Франціи—трудами Давида, Денона и другихъ, въ Германіи Лооса, Фойхта и пр.

Перейдя къ русскому медальерному искусству, встрѣтимъ имя художника, по справедливости, считающагося европейской знаменитостью, замѣчательнымъ, изящно-художественнымъ мастеромъ этого дѣла. Это бывшій президентъ академіи художествъ, графъ Ѳеодоръ Петровичъ Толстой. Не вдаваясь въ подробности его артистической дѣятельности, скажемъ только, что рѣдко случалось встрѣтить въ одномъ художникѣ такое сочетаніе знанія рисунка, высоко-развитого вкуса и безъукоризненнаго исполненія. Скульпторъ, медальеръ и граверъ, графъ Толстой, кромѣ любви къ искусству, отличался удивительнымъ трудолюбіемъ и оставилъ множество работъ, исполненныхъ съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Изъ трудовъ его по медальерному искусству, главные: „коллекція медалей въ память событій годовъ 1812—13—14;“ четыре барельефа изъ „Одиссеи Гомера,“ вылѣпленные и вырѣзанные въ 1818—19 и 20 годахъ; множество ме-

далее на различные торжественные случаи и пр. Изъ скульптурныхъ работъ извѣстны нѣсколько фигуръ въ Петергофѣ: „голова Морфея“, „человѣкъ со львомъ.“ Изъ рисунковъ его особенно замѣчательны къ поэмѣ Богдановича „Душенька“, гравированные въ 1840 году, и много другихъ.

Этимъ артистомъ, которымъ вполне можетъ гордиться наше искусство, мы и закончимъ наши бесѣды о ваяннѣ, или скульптурѣ.

С. Лаврентьева.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ СЕМЕЙ- СТВОМЪ ГРАФА О. П. ТОЛСТОГО.

ВЕСНОЙ 1879 года, пріѣхала я съ дѣтьми моими на нѣсколько времени въ Петербургъ, гдѣ друженски знакомая намъ княжна Наталья Петровна Шаликова—однажды спросила меня, не желаю-ли я познакомиться съ графиней Толстой, супругой вице-президента академіи художествъ, знаменитаго медальера, графа Федора Петровича Толстого, и предложила мнѣ ѣхать къ нимъ вмѣстѣ съ нею.

— Какъ же это, княжна, сказала я, быть можетъ, они и понятія не имѣютъ обо мнѣ, а, если и имѣютъ, то еще желаютъ ли моего знакомства? Княжна увѣрила меня, что Толстые объ насъ знаютъ и рады будутъ видѣть меня у себя.

— Не лучше ли переговорить предварительно? замѣтила я.

— Съ такими людьми, какъ Толстые, въ этомъ нѣтъ надобности, отвѣтила княжна; они выше мелкихъ общественныхъ условій. И осыпала ихъ похвалами.

Я рѣшилась и, вмѣстѣ съ княжной, отправилась на Васильевскій островъ, въ академію художествъ, гдѣ жило въ то время семейство графа Толстого. Утро было прекрасное;

лучи солнца ярко освѣщали великолѣпныя зданія Невскаго проспекта, пестрыя толпы гуляющихъ, памятникъ Петра Великаго, дворецъ, голубую Неву, и, кажется, проникали въ мою душу; такъ легко и свѣтло я давно себя не чувствовала. Семейство графа занимало квартиру въ нижнемъ этажѣ дома. Мы вошли безъ всякихъ предварительныхъ церемоній. Въ свѣтлыхъ, высокихъ комнатахъ была глубокая тишина, и со всѣхъ сторонъ охватывала изящная, художественная жизнь. Въ большой залѣ, убранной въ античномъ вкусѣ, на двухъ противоположныхъ стѣнахъ, во всю ихъ длину, стояли узкіе диваны, съ небольшими спинками въ греческомъ вкусѣ, по сторонамъ которыхъ на четырехъугольныхъ пьедесталахъ, были поставлены большія античныя статуи: на одномъ Венера, на другомъ Аполлонъ, на третьемъ Меркурій, на четвертомъ еще Венера. Между огромныхъ оконъ, по сторонамъ большаго зеркала, на низкихъ пьедесталахъ стояли такъ же античной формы бюсты Гомера и Софокла, а на двухъ высокихъ печахъ, на одной — превосходный, колоссальный бюстъ Юпитера, на другой — Минервы. На стѣнахъ висѣли картины съ живописными видами, группами, портретами.

Въ диванной мы увидѣли даму среднихъ лѣтъ, съ симпатичной наружностью, одѣтую очень скромно. Она сидѣла на диванѣ рядомъ съ молодымъ человѣкомъ, брюнетомъ, небольшого роста, черты лица котораго выражали умъ, добродушную иронию и склонность увлекаться. Передъ ними на столѣ лежалъ раскрытый альбомъ великолѣпныхъ рисунковъ большого формата, которые они внимательно разсматривали. На этой комнатѣ лежала та же печать художественности, какъ и на залѣ. По стѣнамъ виднѣлись картины, на окнахъ цвѣты; въ нишѣ окна, среди растеній, на пьедесталѣ стояла въ ростъ человѣческой статуя, изображавшая полуобнаженную нимфу; колѣномъ правой ноги она опиралась на невысокую скалу, лѣвую опускала въ большую раковину, въ которую лила воду изъ античнаго кувшина, поддерживая его надъ правымъ плечомъ обѣими руками. Статуя эта, работы графа Ѳ. П. Тол-

стого, сдѣлана была имъ въ 1845 году и предложена въ со-
вѣтъ академіи художествъ, гдѣ заслужила всеобщую похвалу.

Графъ представилъ эту нимфу императору Николаю Пав-
ловичу. Государь нашелъ ее прекрасной, приказалъ высѣчь
изъ мрамора, также отлить изъ мѣди для фонтана и поставить
въ нижнемъ саду Петергофа, внутри мраморной колоннады,
гдѣ она находится и теперъ.

При входѣ моемъ и княжны въ диванную, дама, сидѣвшая
на диванѣ, встала и встрѣтила насъ такъ искренно тепло,
что я почувствовала себя между своими. Это была супруга
графа, Толстая. Она представила намъ сидѣвшаго съ нею мо-
лодаго человѣка, говоря: „Николай Ѳеодоровичъ Щербина“. *)

Щербина сказалъ мнѣ, что онъ очень хорошо зналъ Ва-
дима **), напомнилъ, какъ нѣскольско лѣтъ тому назадъ мы
видались съ нимъ въ домѣ А. О. Вельтмана ***), когда онъ
только-что пріѣхалъ изъ Таганрога и придумывалъ, какую
бы избрать себѣ карьеру.

Ему было тогда не болѣе шестнадцати лѣтъ. Вельтманъ
и Вадимъ полюбили его, оцѣнили въ немъ разцвѣтавшій та-
лантъ и помогли ему выдвинуться.

Мы дружески пожали другъ другу руки.

Спустя часа два, всѣ мы были между собой, какъ бы давно
знакомые. Насъ пригласили отобѣдать. Незадолго до обѣда
графъ оставилъ свой кабинетъ, гдѣ съ утра занимался ра-
ботой, и вошелъ къ намъ.

Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія смотрѣла я на ге-
ніальнаго старца-художника.

Не взирая на преклонныя лѣта, онъ былъ еще свѣжъ,
бодръ и сохранилъ остатки прекраснаго лица. Въ глазахъ
его, прикрытыхъ зеленымъ зонтикомъ, свѣтились умъ и юность
души. Роста графъ былъ высокаго, держался прямо, не-
смотря на свои лѣта и неутомимые труды. Въ его обраще-

*) Поэтъ.

**) Вадимъ Васильевичъ Пассекъ.

***) Извѣстный писатель.

ніи, въ приѣмахъ была простота, благородство и на всемъ на немъ лежалъ типъ породистости того слоя общества, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, воспитанію и возвышенной натурѣ своей. Вслѣдъ за графомъ вошли двѣ милостивыя дѣвочки, въ коротенькихъ платьицахъ, — дочери графа. Видно было, что на этихъ дѣтяхъ сосредоточивалась вся любовь, вся радость просвѣщенныхъ родителей; въ ихъ дѣтскихъ взорахъ было счастье, въ граціозныхъ движеніяхъ простота.

Въ небольшомъ кабинетѣ графини остановили мое вниманіе висѣвшіе по стѣнѣ, четыре барельефа изъ поэмы Гомера „Одиссея“, работы графа, вылѣпленные имъ изъ воска. Первый барельефъ изображалъ пиршество искателей руки Пенелопы, во время пребыванія Одиссея на троянской войнѣ, а въ сторонѣ—Минерва, въ видѣ Ментора, совѣтуетъ Телемаку отыскивать отца. Второй—какъ Телемакъ въ гостяхъ у Менелая, слушая разсказъ Елены о троянской войнѣ и подвигахъ Улисса, заплакалъ и былъ узнавъ. На третьемъ—Улиссъ, въ видѣ нищаго, является въ свой дворецъ во время пиршества жениховъ Пенелопы. Телемакъ объявляетъ, что тотъ получитъ руку его матери, кто натянетъ лукъ Одиссея и пропуститъ стрѣлу сквозь кольцо, повѣшенное въ залѣ. Ни одинъ изъ жениховъ не въ силахъ натянуть лука. Нищій выражаетъ желаніе участвовать въ состязаніи. Телеманъ велитъ передать ему лукъ; онъ легко натягиваетъ его, пропускаетъ стрѣлу сквозь кольцо, второй стрѣлой убиваетъ главнаго преслѣдователя Пенелопы, а потомъ, съ помощію Телемака и одного пастуха, убиваетъ всѣхъ пировавшихъ, кромѣ пѣвца Феміуса. На четвертомъ — Меркурій отводитъ въ адъ легкую группу летящихъ тѣней — жениховъ Пенелопы. У входа въ адъ ихъ встрѣчаютъ тѣни Агамемнона и Ахилла, удивленные одновременной смертью столькихъ юношей, и узнаютъ о происшедшемъ на островѣ Итакѣ.

Съ изумленіемъ и восторгомъ всматривалась я въ вѣрную картину древняго быта, въ грацію лицъ, одежды, об-

становку, въ сочетаніе группъ, въ красоту и точность работы.

На другой стѣнѣ кабинета находилась коллекція осьмиугольныхъ медальоновъ, также съ большимъ искусствомъ выѣпленныхъ графомъ изъ воска. Они въ аллегорическихъ фигурахъ изображали отечественную войну 12-го, 13-го и 14-го годовъ.

Графиня объяснила мнѣ содержаніе каждого медальона и обратила мое вниманіе на мраморный бюстъ работы графа, представлявшій дремлющаго Морфея, въ густомъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ породы лилій, которымъ древніе греки приписывали усыпляющее свойство, и на грудное изображеніе Спасителя, изсѣченное такъ же, какъ и бюстъ Морфея, изъ бѣлаго мрамора, въ настоящую величину.

Изъ трехъ картинъ, написанныхъ графомъ масляными красками, вниманіе мое остановила семейная картина съ замѣчательною перспективою комнатъ.

Съ этого времени мы стали часто видаться съ Толстыми, и все больше и больше сближались съ ними.

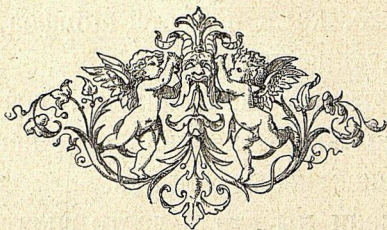
Радужный пріемъ въ домѣ графа, его умъ, доброта, многостороннія знанія и юность духа привлекали къ нимъ избранное общество: литераторовъ, артистовъ, художниковъ. Въ кругу графа интересовались политикой, поэзіей, литературой, науками; всему онъ сочувствовалъ, все имъ было изучено и ставило его высоко, какъ художника и какъ просвѣщеннаго человѣка; вмѣстѣ съ этимъ, онъ былъ такъ простъ, что передъ авторитетомъ его, котораго онъ не давалъ и замѣтить, рождалась не робость, не чувство своего ничтожества, но порывы къ прекрасному, бодрость духа и желаніе дѣятельности.

Въ домѣ Толстыхъ чаще всѣхъ встрѣчала я, кромѣ нѣкоторыхъ художниковъ, поэта Щербину, Өedora Николаевича Глинку, друга молодыхъ лѣтъ графа, только-что возвратившагося изъ ученаго путешествія на Сыръ-Дарью орнитолога Николая Алексѣевича Сѣверцова. Почти ежедневно бывалъ у Толстыхъ малороссійскій поэтъ и художникъ Та-

расъ Григорьевичъ Шевченко. Тарасъ Григорьевичъ, за написанную имъ сатиру, былъ одно время разжалованъ въ солдаты. Участіемъ и стараніемъ графа и графини Толстыхъ онъ былъ избавленъ отъ этого несчастнаго положенія. Спасая Шевченко, Толстые спасли Малороссіи поэта.

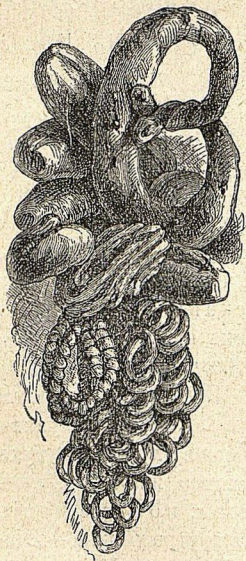
Т. Лассекъ.

„Изъ дальнихъ лѣтъ“.

ГРАФЪ ОЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

~~~~~
Все духъ въ немъ питало: труды мудрецевъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтушихъ временъ упованья,
Мечтою по волю проникнуть онъ могъ
И въ пищу хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одного онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанья;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

ВЪ ИСХОДѢ 1780 годовъ, въ Петербургѣ, у Поцѣлуева моста, въ одной изъ комнатъ кригсъ-комиссаріата, часто видали мальчика, лѣтъ четырехъ или пяти, который, сидя у столика, съ карандашомъ въ рученкѣ, чертилъ что-то на листкѣ бумаги. Красивое личико ребенка было такъ серьезно и вдохновенно, что, глядя на него, невольно рождался вопросъ, надъ чѣмъ такъ сосредоточенно трудится этотъ малютка, а взглянувши на его работу, какъ-то не вѣрилось, чтобы представившійся вамъ рисунокъ былъ сдѣланъ имъ самимъ. На бумагѣ не дѣтской рукой были изображены

волшебники и сказочные богатыри; на одномъ листкѣ Иванъ-царевичъ и Жаръ-птица; на другомъ Бова-королевичъ, а тамъ Илья-муромецъ, лѣсъ и Соловей-разбойникъ. Свитъ Соловья-

разбойника несетя лучистымъ вихремъ съ дуба, на которомъ онъ свилъ себѣ гнѣздо. Въ этихъ дѣтскихъ рисункахъ уже свѣтится искра того высокаго таланта, который впослѣдствіи проявился съ такимъ блескомъ въ скульптурныхъ и медальерныхъ произведеніяхъ этого ребенка, а въ его знаменитомъ альбомѣ *), наполненномъ расположенными по годамъ рисунками, можно видѣть развитіе этого таланта. Первые листки альбома представляютъ ребяческіе очерки 1788 года и, мало-по-малу, переходятъ въ высокохудожественныя изображенія пейзажей, храмовъ, группъ, — историческихъ и фантастическихъ, цвѣтовъ, птицекъ, насѣкомыхъ, фруктовъ, — и все до того живо сдѣланное, что такъ и хочется дотронуться до нихъ рукою.

Ребенкомъ этотъ былъ графъ Ѳеодоръ Петровичъ Толстой, на которомъ исторія русскаго искусства должна остановить свое вниманіе не только какъ на художникѣ, достойномъ общественнаго памятника, но и какъ на человѣкѣ, который совершилъ трудный подвигъ, доказавши самимъ собою всю несостоятельность существовавшаго въ то время предразсудка, что человѣку изъ высшаго сословія унизительно быть художникомъ; этому подвигу русское искусство обя-

*) Альбомъ этотъ находится у дочери графа Ѳеодора Петровича Толстого, Екатерины Ѳеодоровны Юнге; рисунки въ немъ, большаго формата, сдѣланы, одни карандашемъ, другіе тушью, сепіей, водяными красками; художники находятъ, что въ этихъ рисункахъ сила акварельной краски такова, что рѣдко кѣмъ еще достигнута такой колоритъ. Изъ рисунковъ замѣчательны: сцены изъ итальянской жизни; виды Неаполя; Ночь—на окнѣ женщина играетъ на гитарѣ, освѣщенная луной; время: коситъ древній міръ—слишкомъ 100 человѣческихъ фигуръ и животныхъ; жертвоприношеніе въ храмѣ Януса; легенда „рыцарь лебедя“; Христосъ передъ Пилатомъ. Сепіей сдѣланъ вакхическій поѣздъ. Силена—отъ колоссальной двери въ храмъ, до пуха птички такъ натурально, что тронуть хочется; виноградъ точно живой; Сонъ юноши—безчисленное множество фигуръ—всѣ позы различны; воскрешеніе Лазаря; Бѣгство въ Египетъ; Группа ангеловъ; утро у окна—нѣжность лицъ, позы, краски, легкость поразительны. Триумфальный въѣздъ побѣдителя римскаго въ Римъ—до 300 фигуръ; видъ Рима; рисунокъ, изображающій покрытый тонкой помятой бумагой рисунокъ, съ оторваннымъ клочкомъ, который хочется приподнять, и множество другихъ рисунковъ—не знаемъ который изъ нихъ лучше.

зано, главнымъ образомъ, своими успѣхами. До графа Толстого художества ставились у насъ чуть не наравнѣ съ ремеслами, которыя даютъ только кусокъ хлѣба; онъ заставилъ взглянуть на искусство съ совершенно иной точки зрѣнія.

Графъ Ѳ. П. Толстой родился въ 1783 году, 19 февраля, въ Петербургѣ, близъ Поцѣлуева моста, въ зданіи крисъ-комиссаріата, отъ бригадира Петра Андреевича Толстого и супруги его, урожденной графини *Barbolle de Morní*, племянницы адмирала Крузе. При крещеніи, ребенокъ былъ пожалованъ сержантомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, съ отпускомъ на годъ, и этотъ отпускъ повторялся ежегодно, до восшествія на престолъ императора Павла I.

Родители графа Ѳ. П. были люди небогатые, жили главнымъ образомъ жалованьемъ, поэтому и не могли брать къ своимъ дѣтямъ первоклассныхъ гувернеровъ и учителей. Талантливый ребенокъ на шестомъ году выучился читать и не много писать, почти самоучкой, слегка руководимый матерью. Потомъ взяли къ нему въ качествѣ гувернера или, скорѣе, дядьки, комиссаріатскаго чиновника Ѳедорова (отецъ Ѳ. П. былъ начальникомъ комиссаріата). Это былъ молодой человекъ, высокій ростомъ, красивый, умный, зналъ хорошо русскую литературу, имѣлъ свѣдѣнія и въ другихъ наукахъ. Къ ребенку онъ относился съ любовью и умѣньемъ; играя и гуляя съ нимъ, развивалъ его понятія рассказами о природѣ и о знаменитыхъ людяхъ.

Лѣтомъ Ѳедоровъ водилъ своего воспитанника въ кунсткамеру Академіи наукъ; въ то время тамъ читалъ лекціи естественной исторіи извѣстный тогда профессоръ Прскофьевъ. Лекціи эти были лучшимъ удовольствіемъ маленькаго графа; онъ всегда ждалъ съ нетерпѣніемъ того дня, въ который можно было идти въ Академію. Больше же всего въ немъ проявлялась склонность къ живописи.

Родители графа любили Ѳедорова, за его прекрасную нравственность и любовь къ наукамъ, и цѣнили его усердіе и привязаность къ ихъ ребенку. Желая доказать ему свое

расположеніе и признательность, они, чрезъ посредство одного изъ своихъ пріятелей, опредѣлили его въ кавалергарды, въ ту роту, въ которой капитаномъ была сама императрица Екатерина II, тогда царствовавшая.

Солдаты этой роты всѣ были изъ дворянъ. Служба этой роты состояла въ томъ, чтобы въ серебряной каскѣ и серебряныхъ латахъ, съ ружьемъ въ рукахъ, стоять на часахъ у дверей большой залы, передъ внутренними комнатами государыни, а при торжественныхъ пріемахъ пословъ и при другихъ важныхъ случаяхъ, когда государыня принимала, сидя на тронѣ—стоять у трона, всей ротой, и по двое уходя въ тронную. Черезъ годъ Ѳедорова перевели въ кавалергарды; изъ привязанности къ дому Толстыхъ, несмотря на это, новый кавалергардъ оставался еще долго учителемъ ихъ дѣтей *).

Кромѣ врожденной талантливости—вся обстановка графа ребенка и весь образъ жизни окружавшихъ его способствовали развитію его эстетической натуры. Родители часто возили его въ театръ, гдѣ все оставляло въ немъ глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи графъ говорилъ, что, когда онъ въ первый разъ былъ на представленіи трагедіи „Олеѣ“, то впечатлѣніе было такъ сильно, что у него навсегда осталось въ памяти, какъ Дмитревскій, одинъ изъ лучшихъ трагиковъ того времени, въ роли Олега, быстрыми шагами вышелъ на сцену, въ костюмъ древне-русскаго героя, съ обнаженнымъ мечемъ. Первый балетъ, видѣнный графомъ, былъ „Дезертеръ“, который глубоко тронулъ его; а первая опера „Caplatrici di Mano“, въ которой пѣла любимая примадонна того времени, Сандунова.

Балеты своею граціей были такъ симпатичны художественному чувству ребенка и такъ онъ увлекался ими, что, когда достигъ юношескаго возраста, то сталъ брать уроки танцованія у знаменитаго балетмейстера Дидло и нерѣдко самъ, подъ чужимъ именемъ, танцовалъ въ балетахъ.

*) У графа Петра Андреевича были еще сынъ и дочь, старше Ѳедора Петровича.

Дѣто Толстыя проводили на Аптекарскомъ островѣ, на дачѣ, при рѣкѣ Карповкѣ, гдѣ находятся ботаническій и аптекарскій садъ и лабораторія для заготовленія цѣлебныхъ травъ. На дачу къ нимъ часто пріѣзжали родные и дру- жески съ ними знакомые Апраксины и Одоевскіе. Закрев- скій, начальникъ заведенія на Аптекарскомъ островѣ, бы- валь у нихъ почти каждый день, гуляль и играль съ дѣтьми, читаль съ ними и занималь музыкой. Сестра Ѳедора Пе- тровича прекрасно играла на фортепьяно и рисовала на сло- новой кости миниатюры.

Когда маленькому графу минуло девять лѣтъ, внучатный дядя его, графъ Петръ Александровичъ Толстой, пожелаль взять его къ себѣ на воспитаніе, обѣщаль устроить ему хоро- шую карьеру, что ему было сдѣлать незатруднительно. Петръ Александровичъ былъ родной племянникъ фельдмаршала Ни- колая Ивановича Салтыкова, самага приближеннаго къ Импе- ратрицѣ члѣовѣка и воспитателя Великихъ Князей Алексадра и Константина Павловичей. Кромѣ того, графъ Петръ Александровичъ былъ извѣстенъ и самъ по себѣ тѣмъ, что былъ посланъ изъ дѣйствующей арміи, съ донесеніемъ объ уничтоженіи всѣхъ войскъ польской конфедераціи и взятіи въ плѣнъ Костюшки, за что онъ былъ сдѣланъ полковникомъ, получилъ георгіевскій крестъ 3-й степени и драгунскій полкъ, который стояль въ Виленской губерніи, въ городѣ Ошмянахъ.

Петръ Александровичъ былъ чловѣкъ добрый, бла- городный и неглупый, но съ поверхностнымъ образова- ніемъ. общимъ тому времени. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Голицыной, фрейлинѣ Императрицы, сиротѣ, воспитанной при дворѣ, за которой взяль огромное приданое. Дѣтей у нихъ не было, и въ воспитаніи маленькаго графа они видѣли себѣ занятіе и забаву. Родители Ѳедора Петровича согла- сились отпустить его, и Петръ Александровичъ увезъ собой маленькаго графа въ Ошмяны.

* * *

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ДѢДУШКИНЪ ЗВѢРИНЕЦЪ.

Изъ записокъ Сонички.

ДОКТОРЪ нашего дома сказалъ, что мнѣ и брату моему, Сашѣ, необходимо провести лѣто въ деревнѣ. Родители наши рѣшили отправить насъ къ тетюшкѣ, которая живетъ постоянно въ своемъ имѣніи. Мы думали, что тамъ будетъ ужасная скука. И какъ ошиблись! Никогда, ни на одной дачѣ, намъ не было такъ весело. Садъ, рыбная ловля, прогулка за грибами, катанье въ тележкѣ... Саша самъ править: Гнѣдко очень смирная лошадь. А домъ!—прелесть! Мѣ живемъ въ немъ цѣлыя двѣ недѣли, а постоянно открываемъ что нибудь новое въ его безчисленныхъ комнатахъ, корридорахъ, бельведерахъ, каморочкахъ... Домъ этотъ построенъ прадѣдушкой, даже, кажется, еще раньше, а дѣдушка только поправилъ его и пристроилъ къ

нему стеклянную галлерею... Эта галлерея, или, лучше сказать, то, что въ ней, замѣчательнѣе всего въ домѣ.

Она примыкаетъ къ дѣдушкиному кабинету, который тоже стоитъ описать. Все въ немъ такъ, какъ было при дѣдушкѣ: тетушка не велѣла ничего трогать. У большого широкаго окна, письменный столъ, съ старинною бронзовою чернильницею и подсвѣчниками. Передъ столомъ старое кожаное кресло. Я люблю сидѣть на немъ и смотрѣть вдоль по теченію рѣки, которая, постепенно суживаясь, какъ бы совсѣмъ сливается съ склонившимися надъ ней ивами. По моему, это лучший видъ изъ нашего дома, хотя Саша и увѣряетъ, что высокій мѣловой берегъ, виднѣющійся съ балкона, еще красивѣе. Въ сумерки, трещины и рытвины въ этой бѣлой отвѣсной стѣнѣ принимаютъ видъ оконъ и дверей въ какомъ-то очарованномъ замкѣ... Но надо досказать о кабинетѣ. У одной стѣны огромный книжный шкафъ; на немъ бюсты нѣкоторыхъ писателей и знаменитыхъ людей, у другой каминъ съ узенькимъ, потемнѣвшимъ зеркаломъ въ золоченой рамѣ; на каминѣ фарфоровые часы съ пастушкой и голубками. Это еще прабабушкины часы, и тетушка очень дорожитъ ими, такъ же какъ и другими фарфоровыми куклами, флакончиками и корзиночками, разставленными на доскѣ камина и на треугольныхъ этажеркахъ по угламъ кабинета. Въ глубинѣ комнаты диванъ; передъ нимъ столъ съ мраморною доскою и золочеными птицами на ножкахъ; по стѣнамъ семейные портреты, въ томъ числѣ портретъ бабушки и дѣдушки. Бабушка еще молода и красива; но какъ смѣшно причесана! А дѣдушкинъ фракъ! Рукава на плечахъ въ сборочкахъ, воротникъ до ушей; высочайшій галстухъ... Лицо у дѣдушки доброе, онъ точно улыбается, когда на него смотришь. Тетушка говоритъ, что дѣдушка былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень добрый; она его любила и жила при немъ неотлучно; замужъ она не вышла, а воспитала своихъ меньшихъ сестеръ и братьевъ; изъ нихъ нашъ папа былъ самый младшій; онъ остался послѣ матери крошечный, тетушка заступила ея мѣсто. Насъ она любитъ какъ дѣтей своихъ.

Изъ кабинета выходъ на „галлере“. Это родъ продолговатой комнаты, съ тремя стеклянными стѣнами и множествомъ растеній, которыя разставлены такъ, что выходитъ

точно садикъ. Между ними лежать, сидятъ и стоятъ чучелы разныхъ звѣрей,—но сдѣланные такъ искусно, что ихъ можно принять за живыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ жили у дѣдушки, который очень любилъ животныхъ и умѣлъ приручать даже самыхъ дикихъ; изъ нихъ, одни были привезены имъ издалека, другіе подарены ему знакомыми. Такъ составилаь эта коллекція, которую я и называла „дѣдушкинымъ звѣринцемъ“.

Что это за разнообразные звѣри и какъ они живописно разставлены! Подъ раскидистою мимозою, на которой сидятъ два пестрые попугая, стоитъ газель. Что за милая, что за граціозная у нее головка! какая она вся нѣжная! Мнѣ всегда жаль ее. мнѣ такъ и кажется, что на нее готовъ броситься тотъ страшный гепардъ, который лежитъ тамъ, подъ кустомъ кактуса. Но на гепарда надѣтъ ошейникъ, отъ котораго идетъ цѣпь, прикрѣпленная къ сосѣднему дереву. Добрый дѣдушка! Онъ нарочно привязалъ этого звѣря, я думаю, для того, чтобы бѣдной газели не было страшно. Я очень хорошо понимаю, что это только чучелы, которыя не могутъ ничего чувствовать или дѣлать, но, если бы мнѣ было позволено здѣсь распорядиться, я убрала бы отсюда этого „охотничьяго леопарда“, какъ ихъ называютъ. Но тетушка говоритъ, что и этотъ ужасный звѣрь приучается служить человѣку, и что именно тотъ гепардъ, который находится здѣсь, спасъ жизнь одному дѣдушкиному пріятелю въ Персіи. Вообще, у всѣхъ животныхъ, собранныхъ здѣсь, своя занимательная исторія, и тетушка обѣщала намъ все рассказать въ свободное время. Весело будетъ послушать... Откуда взялись, напримѣръ, большой черный воронъ и серебристая сова, которые сидятъ рядомъ на вѣткѣ, надъ садовой скамейкою, и точно совѣщаются другъ съ другомъ? Я знаю, что они были ручными у дѣдушки и воронъ умѣлъ говорить... Можетъ быть, онъ точно такъ же садился на вѣтку, когда дѣдушка отдыхалъ на этой скамейкѣ, на которой до сихъ поръ лежатъ его тюфячекъ и подушка... Старый коврикъ на полу сохранился тоже, и на немъ лежитъ, какъ въ въ былое время, лягавая собака „Дружокъ“. Только не встаетъ она болѣе на зовъ, да и давно нѣтъ ея хозяина... Такъ же неподвижно сидятъ на двухъ табуретахъ крошечный пудель „Снѣжокъ“ и сибирскій котъ „Муръ“. Позади ихъ, пріютаься на пальмѣ, сидитъ прелестная обезьяна.

Всѣ обезьяны некрасивы, но на эту нельзя не любоваться: вся она покрыта черною шерстью, которая походитъ на бархатъ, а съ боковъ спускаются широко волною бѣлые волосы, и такая же борода обрамливаетъ плутоватую мордочку. Если разсматривать каждый волосъ отдѣльно, то оказывается, что онъ испещренъ тонкими коричневыми кольцами, отчего вся шерсть получаетъ пепельно-серебристый оттѣнокъ. Далѣе, выглядываетъ изъ норки, устроенной подъ горкою изъ камня и мха, лисица; разныя птички сидятъ на деревьяхъ; отдѣльно отъ нихъ, на вершинѣ горки, большой ястребъ съ распушенными крыльями, какъ бы готовый кинуться на добычу... Какое у него хищное выраженіе! Противная птица! Мнѣ всегда кажется, что она хочетъ вцѣпиться клювомъ во всѣхъ проходящихъ...

* * *

Что за досада! Тетушка обѣщала рассказать сегодня же про звѣрей, какъ только вернемся съ прогулки послѣ обѣда. У насъ было рѣшено идти въ лѣсъ за грибами. Старая ключница, Осиповна, очень насъ отговаривала, предсказывая, что будетъ дождь; мы не вѣрили: небо было ясно, но у Осиповны свои примѣты: какъ-то особенно у нея ноги болятъ; потомъ наши коты не отправились, по своему обыкновенію, въ поле за мышами; куры клохчутъ на особый ладъ и проч. и проч! Все это было для нее убѣдительно, но мы, разумѣется, только смѣялись, хотя тетя говорила, что Осиповна рѣдко ошибается. Итакъ, мы пошли, то есть, тетушка, Саша и я, да еще двѣ деревенскія дѣвочки, которыя отлично знаютъ, гдѣ грибы растутъ. Не отошли мы и полверсты отъ дома, какъ изъ-за лѣса стала подниматься темная туча. Тетушка сказала: „Домой!“ мы стали ее упрашивать; Саша доказывалъ, что вѣтеръ съ юга, а мы идемъ къ западу, слѣдовательно дождь стороною пройдетъ; обѣ дѣвочки, Агаша и Маша, повторяли: „Вотъ еще немножко отсюда... рукой подать... страсть, что грибовъ!“ Тетушка согласилась идти дальше. Не знаю откуда въ самомъ дѣлѣ-то, дулъ вѣтеръ, съ юга или нѣтъ, только туча все къ намъ ближе да ближе, повисла надъ нами и хлынулъ дождь... Агаша и Маша подобрали подолы и пустились домой бѣгомъ, Саша тоже, но я не захотѣла оставить тетушку, которая не

можетъ скоро ходить. Тетушка была, къ счастью, въ мантильѣ, а я въ одномъ платьѣ,—и вымокла же я! Не хуже нашей дворовой собаки, Бѣлки, которая также осталась съ нами, несмотря на то, что Саша ее звалъ съ собой. Оси-повна встрѣтила насъ съ торжествующимъ лицомъ.

— Что я вамъ говорила?... Не слушали! Однако это не помѣшало ей позаботиться о томъ, чтобы я не простудилась. Она вытерла меня уксусомъ съ виномъ, такимъ крѣпкимъ, что я даже чихала, и надѣла на меня сухое бѣлье и фланелевый халатикъ, чтобы я согрѣлась. Сашу она еще прежде переодѣла; тетушка совсѣмъ не замочила, благодаря мантильѣ и толстымъ сапогамъ; Агаша и Маша только смѣялись, когда я имъ совѣтовала переодѣться, чтобы не простудиться, а Бѣлка высушилась по своему способу: она побѣжала прямо въ сарай, вывалялась тамъ въ сѣнѣ, немножко стряхнулась и развалилась на полу въ кухнѣ, къ великому негодованію нашей кошки Машки, которая ни за что не улеглась бы спать, не очистивъ у себя прежде старательно каждой шерстинки. Вѣроятно, чтобы не видѣть собачьей неблаговоспитанности, Машка перебралась къ намъ, въ „звѣринецъ“, гдѣ мы съ Сашей усѣлись на скамйкѣ, въ ожиданіи обѣщаннаго разсказа. Для тетушки мы внесли изъ кабинета покойное кресло; она сѣла на него, взяла въ руки свое вязанье, позволила Машкѣ улечься у ней на колѣняхъ и только что хотѣла начать... Вдругъ, ударъ грома и, вслѣдъ за его раскатомъ, стукъ подѣхавшаго экипажа... Неужели гости? Вотъ некстати!

Да, гости... и вдобавокъ, кто же? Старушка Спицына!

* * *

Я терпѣть не могу эту сосѣдку. Она такая непріятная! Она живетъ въ одномъ городѣ съ нами и бываетъ довольно часто у насъ. Зачѣмъ она ѣздитъ? Я увѣрена, что она никого изъ нашихъ не любитъ. Когда я была ребенкомъ, то считала ее волшебницею; теперь мнѣ двѣнадцать лѣтъ, и я вздора не думаю, но мнѣ все какъ-то жутко при ней. Саша находитъ, что она похожа на ястреба. Это вѣрно. Во всякомъ случаѣ, она часто разстраиваетъ удовольствія. Такъ и сегодня!... Положимъ, она не виноватна, даже и ѣхала не къ намъ, а къ другимъ сосѣдамъ, и только по случаю проливного дождя и грозы остановилась у насъ, но я увѣрена,

что она найдетъ какой нибудь предлогъ прогостить и у насъ. Мнѣ такъ досадно, что даже голова начала у меня болѣть. Пойду въ свою комнату.

* * *

Тетушка приходила сейчасъ и сказала, что я должна уступить свою комнату гостѣ, а сама могу лечь внизу, въ „диванной“, возлѣ дѣдушкинаго кабинета. Обыкновенно гостей помѣщаютъ въ ней, какъ объяснила мнѣ Осиповна, но г-жа Спицына не любитъ спать въ нижнемъ этажѣ: боится что „воры влѣзутъ“, и „кошка заберется“, и „собачій лай слышнѣ“, словомъ, всякіе ужасы случатся. Вотъ почему и понадобилась ей моя комната. Впрочемъ, это вовсе не горе, и я даже люблю всякія перемѣны, но мнѣ досадно, что все это дѣлается для этой противной старухи. Осиповна начала уже перетаскивать мою постель и объявила, что со мною ляжетъ горничная Аннушка, для того, что бы мнѣ не было страшно... Страшно! точно я маленькая... Но, конечно, пріятнѣе съ Аннушкой, нежели совсѣмъ одной.

* * *

Какъ жарко въ этой диванной! А окна нельзя открыть: комары налетятъ. Аннушка уже давно спитъ, а я не могу: очень здѣсь душно, и голова у меня болитъ... Кругомъ все такъ тихо, только изрѣдка Бѣлка тявкаетъ... Это она по своему разговариваетъ съ Гнѣдко, котораго выпускаютъ на ночь на лужайку. Бѣлка умная собака и всегда его сторожить... Изъ кабинета или галлерей ихъ видно... Лѣнь встать, а то я пошла бы посмотрѣть... Кажется, начинаю дремать...

Кто это зоветъ?... Аннушка?... Нѣтъ, это Маша! Что тебѣ?... Пойти на галлерею, слушать исторію Снѣжка, Мура, совы и другихъ?... Что они будутъ рассказывать? Они сами? Это забавно... Хорошо, я надену свой халатикъ и пойду... Какъ славно на галлереѣ! Луна освѣщаетъ деревья, и всѣ звѣри охорашиваются при ея лучахъ: птицы чистятъ перышки, котъ умывается лапкой, газель закидываетъ головку, точно оглядываясь, хорошо ли лоснится ея шерсть... Ахъ, и Саша пришелъ сюда слушать! Я усаживаюсь рядомъ съ нимъ на диванъ, между нами Машка:

она, не знаю, откуда взялась... Гнѣдко стоитъ подь открытымъ окномъ: вѣрно, тоже хочетъ слышать рассказы...

Кто-то начинаетъ говорить; сначала я не могу разобрать ничего, потомъ слова выдѣляются яснѣе, и я слышу рѣчь стараго ворона:

— Господа! мы уже давно сидимъ вмѣстѣ, хорошо изучили другъ у друга наружность, но знаемъ мало о подробностяхъ нашей прежней жизни. Нѣкоторые изъ насъ жили товарищами въ этомъ домѣ, другіе встрѣтились здѣсь случайно. Между тѣмъ, каждый изъ насъ видалъ что нибудь, испыталъ... Не пора ли намъ подѣлиться своими наблюденіями и опытомъ... хотя бы для того, чтобы скоротать длинную ночь?... Согласно ли почтенное собраніе съ моимъ предложеніемъ?

— Я согласенъ... и я... и я! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Прекрасно, сказалъ воронъ. Но всѣ мы не успѣемъ описать нашей жизни, хотя каждый постарается говорить короче...

— Конечно, затараторилъ попугай. Что болтать, повторять одно и тоже? Я врагъ болтовни. Если угодно, я начну рассказывать...

— Нѣтъ, лучше по жребію, строго проговорила сова.

— Конечно, по жребію, тѣмъ болѣе, что всѣ не успѣемъ, сказалъ воронъ. Надо написать имена...

Пудель соскочилъ съ мѣста, бросился въ кабинетъ и явился обратно, держа въ зубахъ фарфоровую тарелочку, на которой лежали свернутые билетки.

— Извольте выбирать, сказалъ онъ, становясь на заднія лапки передъ ворономъ. Тотъ спорхнулъ на нижнюю вѣтку, взялъ клювомъ билетикъ, развернулъ его и прочелъ:

— Сова.

Почтенная птица выпрямилась, обвела своими выразительными глазами все общество и сказала:

— Мой рассказъ будетъ не длиненъ, но полонъ трагическими подробностями. Я родилась въ дуплѣ стараго дерева. Мой отецъ и мать принадлежали къ самой красивой и крупной породѣ сычей, и я наслѣдовала отъ нихъ эти стоячія перышки по обѣимъ сторонамъ головы и большіе черные глаза, окруженные оранжевымъ ободкомъ, которыми мы гордимся передъ другими видами. Но если мы красивѣе другихъ совъ,

зато терпимъ одинаково съ ними! Насъ причисляютъ къ хищнымъ птицамъ; мы, дѣйствительно, питаемся мелкими животными, но не истребляемъ ли мы, при этомъ, именно тѣхъ, которыя непріятны человѣку или даже приносятъ ему вредъ? Таковы мыши, лягушки, жабы, мелкія змѣйки, кроты, суслики... Между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы благодарить сову, человѣкъ ее преслѣдуетъ. Поймавъ бѣдную птицу, надъ нею всячески издѣваются, даже мучатъ ее... Говорите послѣ этого, что человѣкъ не безтолковъ! И это еще слишкомъ мягкое выраженіе... Въ самомъ дѣлѣ;—чѣмъ мы виноваты, напримѣръ, что глаза у насъ до того чувствительны къ свѣту, что какъ бы ослѣпляются имъ? А какой это предметъ для насмѣшекъ... Если же такъ поступаетъ человѣкъ, разумное созданіе, какъ онъ себя называетъ, то что же мудренаго, если между нашимъ братомъ, животными, находятся личности, способныя тоже дразнить и мучить насъ? Мелкія птицы щиплютъ и клюютъ сову, если найдутъ ее днемъ гдѣ нибудь; она не видитъ своихъ непріятелей, дѣлаетъ, поэтому, смѣшныя движенія,—это подзадориваетъ ихъ еще болѣе. Точно такъ же поступаютъ и люди... Нѣкоторые изъ нихъ видятъ даже въ совѣ что-то зловѣщее, связанное съ темными силами. Мои родители пали жертвою подобнаго суевѣрія. Я не стану описывать ихъ мученической смерти; довольно будетъ, если я скажу, что и насъ, птенцовъ, вытащили изъ гнѣзда и разбросали подъ деревомъ. На наше счастье проходилъ мимо добрый человѣкъ, бывшій владѣлецъ этого дома; онъ подобралъ тѣхъ изъ насъ, которые были еще живы, принесъ къ себѣ домой, устроилъ намъ помѣщеніе и выкормилъ насъ. Но уцѣлѣла я одна: мой братъ и сестра были однажды настигнуты и растерзаны хищною птицею... Я очень грустила по нихъ, но привязалась къ моему хозяину и совершенно подружилась съ нимъ и даже съ его домашними животными.. Не такъ ли, Дружокъ? Ты даже защитилъ меня, однажды, отъ ястреба...

Мы съ Сашей посмотрѣли на Дружка; онъ ласково кивнулъ головою совѣ. Послѣдняя продолжала:

— Это былъ тотъ самый ястребъ, который убилъ моего брата и сестру... Но едва онъ опустился на меня, когда я довѣрчиво сидѣла на ступенькѣ крыльца, которое выходитъ отсюда къ теплицѣ, Дружокъ кинулся на него и ухватилъ его зубами за крыло, а я закричала. Ястребъ рванулся, уда-

рилъ клювомъ Дружка такъ, что тотъ долженъ былъ его выпустить, и хотѣлъ улетѣть, но нашъ хозяинъ, заряжавшій въ то время ружье, чтобы идти на охоту, выбѣжалъ на мой крикъ, увидалъ поднимавашагося на воздухъ злодѣя и выстрѣлилъ... очень мѣтко, поэтому вы имѣете удовольствіе видѣть теперь этого врага моего тоже въ нашемъ собраніи...

Я посмотрѣла на ястреба и, странное дѣло! мнѣ показалось, что морщинистая шея у него какъ-то вытягивается, голова разрастается, а вокругъ нея, — была ли то игра свѣта, не знаю, — начинаетъ показываться какой-то чепецъ.

— Саша! сказала я брату тихонько, — да вѣдь это она, Спицына!

Между тѣмъ маленькій пудель снова сталъ передъ ворономъ; воронъ взялъ съ тарелочки новый билетикъ и прочелъ: „Дружокъ!“

Дружокъ всталъ, потянулся, задумался на минуту и сказалъ:

— Мнѣ о себѣ рассказывать нечего. Все можно сказать въ двухъ словахъ: былъ привязанъ къ хозяину и служилъ ему вѣрно. Вотъ и все.

— Это онъ изъ скромности, вмѣшался Снѣжокъ. Вы уже слышали, какъ онъ спасъ Сову, но за нимъ много еще добрыхъ дѣлъ и, если хотите, я расскажу... Я, какъ видите, очень маленькій: малтійской породы. Долго ли меня украсть? Ну, и украли, когда мы жили въ городѣ... Какъ ни искала меня прислуга, нигдѣ не могли найти, а Дружокъ нашелъ! Да, я не выдумываю: онъ выслѣдилъ, гдѣ я нахожусь, потомъ, гуляя съ нашимъ хозяиномъ, все зазывалъ его въ ту улицу; наконецъ остановился передъ домомъ, въ которомъ я томился въ заключеніи, и принялся отчаянно лаять. Я узналъ знакомый голосъ и вскочилъ на окно; хозяинъ увидалъ меня. Остальное нечего рассказывать: похититель долженъ былъ меня возвратить. А еще...

— Ну, довольно, сказалъ Дружокъ. Дай мѣсто и другимъ.

Воронъ превозгласилъ: „Газель!“

Газель очень сконфузилась. Было видно, что она не привыкла говорить публично. И въ жизни ея было такъ мало интереснаго для другихъ, говорила она. Но ее упростили, и она начала:

— Я родомъ съ восточнаго берега Африки; мои родители жили въ пустынѣ, лежащей между Краснымъ моремъ и Ниломъ. Они очень любили меня. Вы знаете, какъ газели

вообще привязаны къ своимъ дѣтенышамъ и готовы защищать ихъ, даже съ опасностью для собственной жизни (она покосилась на гепарда, лису, ястреба)... но ужаснѣе всѣхъ изъ нихъ человѣкъ, онъ преслѣдуетъ насъ даже изъ одного своего удовольствія... насъ, которыхъ онъ же называетъ самыми милыми созданіями и даже сравниваетъ глаза своихъ красавицъ съ нашими глазами. Арабы и другіе африканскіе жители охотятся за нами съ собаками и соколами. Отъ собакъ мы еще можемъ уйти, но отъ сокола нѣтъ спасенья! Моя бѣдная мать погибла отъ его ногтей. Однажды, когда мы остановились подъ кустами мимозы, листья которой составляютъ для насъ самую лакомую пищу, охотничій соколъ спустился на насъ съ быстротой молніи и впился ей въ горло... Она вспрыгнула высоко и стряхнула его, но онъ повторилъ свое нападеніе... и я осталась сиротою. Подоспѣвшіе охотники взяли меня и отвезли далеко, въ Каиръ. Сначала я очень скучала въ неволѣ, особенно потому, что переходила изъ рукъ въ руки, и лишь только успѣвала привыкнуть къ одному хозяину, какъ меня передавали другому. Газель очень способна сдѣлаться ручною, но такое невниманіе къ чувствамъ животного, какъ хотите, обидно... Люди рѣшительно не заглядываютъ въ нашъ внутренній міръ...

— За малыми исключаніями, это правда, замѣтила, неожиданно, Машка. Представьте себѣ, что эта старуха, которую принесло къ намъ сегодня, просила, чтобы меня ей подарили! И когда ей сказали, что я здѣсь общая любимица и сама очень привязана ко всѣмъ, она отвѣтила: какой вздоръ! Животное полюбитъ всякаго, кто его кормитъ будетъ, а вы себѣ другую кошку заведите!

Спицына хочетъ увезти Машку! Этого еще не доставало! Я не удержалась и показала кулакъ ястребу... Право, онъ въ чепчикѣ... я даже зеленый бантъ вижу...

— Кажется, теперь моя очередь? спросилъ попугай, все время нетерпѣливо поглядывавшій по сторонамъ. Моя исторія очень интересна...

— Позвольте, дайте газели кончить...

— Что кончать? Она тянетъ ужасно. Въ двухъ словахъ доскажу за нее. Переходила изъ однихъ рукъ въ другія, вездѣ грустила и покорялась судьбѣ... Такъ и кончила свои дни.

— Нѣтъ, сказала съ жаромъ газель, мои послѣдніе дни были счастливы. Покойный владѣлецъ этого дома выкупилъ

меня изъ звѣринца, въ который я, наконецъ, попала. Мнѣ жилось тамъ очень худо, потому что насъ перевозили часто съ мѣста на мѣсто, и въ самыхъ неудобныхъ, холодныхъ клѣткахъ. Но здѣсь, въ этомъ домѣ, я нашла совершенно другое. Мнѣ построили теплый хлѣвъ, кормили ячменемъ, хлѣбомъ и даже листьями мимозы, и ласкали меня. Я была вполне счастлива.

— Все? сказали попугай. Теперь я...

— Позвольте, перебить воронъ, снова вынимая билетикъ. Очередь за гепардомъ.

Попугай съ досадою замолчалъ, а страшный звѣрь поднялся на ноги. Мы съ Сашей невольно вздрогнули, да, кажется, и всѣ присутствовавшіе переглянулись съ смущеніемъ, но гепардъ кивнулъ головою довольно привѣтливо и произнесъ:

— Я принадлежу, какъ извѣстно благородному собранію, къ породѣ собакъ—кошекъ, поэтому служу какъ бы соединительнымъ звеномъ между тѣмъ и другимъ уважаемымъ семействомъ (онъ поклонился Машкѣ и Муру, потомъ отвѣсилъ такой же поклонъ Снѣжку и Дружку). Тѣло и ноги у меня собачьи, морда и хвостъ кошачьи. Да и концы лапъ у меня полукошачьи, потому что они снабжены мускулами для втягиванія и вытягиванія когтей. Впрочемъ, я этимъ мало занимаюсь, хожу всегда съ высунутыми когтями, какъ собака...

— Да, это уже не по нашему, замѣтила высококомѣрно Машка. Мы выпускаемъ когти лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вынуждены къ самозащитѣ...

— Зато они у васъ всегда очень остры, между тѣмъ какъ у собакъ притупляются отъ постоянного стиранія... поэтому, даже и при игрѣ, вы можете царапнуть... разумѣется нечаянно, вѣжливо возразилъ гепардъ. Мѣхъ мой тоже занимаетъ середину между кошачьимъ и собачьимъ: пестръ, какъ у кошки, но взъерошень, какъ у собаки (я разумѣю ту и другую въ общемъ смыслѣ породы). Во взглядѣ у насъ выражается собачье добродушіе...

— Гмъ... замѣтили Снѣжокъ. Общее-то выраженіе вашей фізіономіи все же кошачье.

— Позвольте, господа, вмѣшался воронъ. Если мы будемъ перебивать рассказчиковъ на каждомъ словѣ, и при томъ замѣчаніями, продиктованными однимъ личнымъ чув-

ствомъ (Машка и Снѣжокъ хмурятся), то мы будемъ только время терять. Ночь коротка, разсудите сами!

На галлерей водворилось молчаніе, и гепардъ продолжалъ.

— Я буду избѣгать всякихъ дальнѣйшихъ сравненій, очевидно несприятныхъ нѣкоторымъ членамъ собранія, и перейду просто къ моей біографіи. Замѣчу только мимоходомъ, что мнѣ совершенно непонятно это стремленіе обѣихъ породъ чураться меня, какъ чужого, при моей родственности съ обѣими... Но оставимъ это. Я приступаю къ разсказу. „Гепардъ“ или „охотничій Леопардъ,“ это собственно названіе группы, но мы дѣлимся на два вида: чита (азиатскій видъ) и фахходъ (африканскій). Я принадлежу къ первому, какъ вы можете замѣтить по моей болѣе длинной шерсти на шеѣ и черному кончику хвоста, который у фаххода всегда бѣлый. Нашъ мѣхъ вообще темнѣе, пушистѣе и болѣе цѣнится; сверхъ того, подлежатъ еще сомнѣнію, дрессируютъ ли африканскаго гепарда для охоты; что же касается насъ, то всѣ путешественники засвидѣтельствуютъ вамъ, что мы славимся въ Индіи и Персіи нашею способностью ходить на звѣря; и эта способность приобрѣла историческую извѣстность. Іосифъ Барбаро, посѣтившій Арменію въ XV столѣтіи, разсказываетъ, что видѣлъ у властителя этой стороны сотню охотничьихъ гепардовъ; Леопольдъ I, императоръ германскій, получилъ отъ турецкаго султана двухъ дрессированныхъ гепардовъ и любилъ охотиться съ ними...

— Ну, если намъ цѣлый курсъ исторіи читать начнутъ, то это будетъ весело! проворчалъ попугай. Можно бы и сократить... Всякому хочется разсказать...

— Я желалъ только уяснить почтеннѣйшей публикѣ, что нашъ родъ былъ издавна признанъ способнымъ къ образованію, и я полагаю, что подобный вопросъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться. Въ настоящее время, нѣкоторыя счастливыя породы—я не называю никого—удостоены причисляться къ домашнимъ животнымъ, то есть, къ полезнымъ или пріятнымъ для человѣка товарищамъ. Но вѣдь и они были нѣкогда дикими и не позволяли всякому гладить себя или бить... И только путемъ тысячелѣтняго воспитанія, эти животныя переродились въ послушныя, кроткія, понятливыя существа... Чего бы стоило человѣку заняться и нами...

— Однако, скоро четыре часа, сказалъ попугай.

— Извините, я снова увлекся. Я готовъ даже вовсе замолчать.

— Нѣтъ, расскажите свою исторію, сказалъ воронъ. Вы принадлежали какому-то русскому путешественнику и даже спасли ему жизнь?

— Мнѣ посчастливилось сдѣлать это. Мой первый хозяинъ, богатый персъ, пригласилъ этого гостя съ собой на охоту; мы отправились. Меня везли, по обыкновенію, на тележкѣ, надѣвъ на меня колпакъ, для того, чтобы я не своевременно не сдѣлалъ движенія, которое могло бы испугать дичь... Цѣлью нашей охоты были газели... Прошу извиненія у находящагося здѣсь экземпляра! Когда мы остановились, охотникъ, которому я былъ специально порученъ, сдернулъ съ меня колпакъ, указалъ мнѣ на добычу, находившуюся саженьяхъ въ семидесятипяти далѣе, за вѣтромъ. Я сползъ съ тѣлѣжки, припалъ къ землѣ и сталъ осторожно ползти, потомъ сдѣлалъ прыжокъ, и газель была въ моихъ лапахъ... я прокусилъ ей горло и высосалъ кровь. Охотники скакали, между тѣмъ, къ намъ, но, прежде чѣмъ они успѣли приблизиться, изъ-за камней выскочила пантера и бросилась на русскаго всадника. Испуганная лошадь шарахнулась въ сторону, сбила сѣдока и онъ повалился подъ звѣря. Прочіе охотники не смѣли стрѣлять въ первую минуту, боясь поранить человека, но я былъ уже тутъ... Я впился въ пантеру; она отскочила. Охотники воспользовались этимъ мгновеніемъ и послали въ нее пять пуль. Шестая попала въ меня, но не причинила мнѣ особеннаго вреда. Мой обрадованный хозяинъ предложилъ меня русскому. Этотъ новый владѣлецъ мой былъ очень добрый человекъ. Гепарды, вообще, способны дѣлаться очень ручными. Они ласкаются и мурлычатъ, какъ кошки... Извините, я опять за сравненія!.. Проживъ нѣсколько лѣтъ у моего новаго хозяина, вмѣстѣ съ этою обезьянкой, изъ породы Гверацца, которую вы видите здѣсь, я былъ, по смерти моей, обращенъ въ чучело и подаренъ владѣльцу этого дома...

— Наконецъ-то! произнесъ попугай. Надѣюсь, теперь моя очередь?

— Посмотримъ, сказалъ воронъ, вынимая билетикъ. „Лиса!“

— Это ни на что не похоже! забормоталъ попугай. Это несправедливость, пристрастіе!

Лиса выступила, между тѣмъ, изъ своей норки, приняла самый скромный видъ и начала тихимъ голосомъ:

— Наша порода подвергается несправедливѣйшимъ обвиненіямъ. Я могу доказать на собственномъ примѣрѣ всю неосновательность подобныхъ клеветъ...

— Господа, смѣхъ неприличенъ, замѣтилъ воронъ. Можете возражать, да и то потомъ, а смѣяться не слѣдуетъ.

— Да никто и не смѣялся!

— Нѣтъ, смѣялись.

— Это какъ будто за окномъ...

— Тамъ Гнѣдко... не онъ ли?

— Гнѣдко, это вы фыркнули?

— Не знаю... можетъ быть.

— Какъ, не знаете? Да развѣ вы спите?

— Можетъ и задремалъ...

— Скажите на милость! Развѣ это учтиво? Общество бесѣдуетъ, а онъ спитъ!

— Позвольте, господа; вамъ хорошо спать: вы цѣлый день ничего не дѣлаете, а я работаю, и даже очень усердно...

— Ахъ, всѣ эти перерывы! забормоталъ опять попугай. Это несносно! Какъ хотите, я начну рассказывать! Мнѣ надоѣло молчать!

— Нѣтъ, пусть лиса говорить!

— Нѣтъ, я!

— Лиса!

Шумъ поднялся неописанный и все какъ будто задвигалось; даже скамейка, на которой мы сидѣли, стала качаться, а ястребъ поднялся съ мѣста и сталъ приближаться ко мнѣ. Кто-то ухватилъ меня за плечо... Я закричала и открыла глаза...

* * *

Передо мной была тетушка. Она держала меня за руку и спрашивала: какъ ты сюда попала? Отчего ушла изъ диванной?... Мы тебя искали, Варя! Никому не пришло въ голову, что ты спишь здѣсь, въ галлерей...

Я приподняла голову и осмотрѣлась кругомъ. Я лежала на дѣдушкиной скамеечкѣ... Всѣ звѣри были на своихъ мѣстахъ; возлѣ меня, свернувшись, спала Машка.

Зачѣмъ вы меня разбудили. Лиса не успѣла рассказать свою исторію... А какъ мнѣ жаль бѣдную сову: этотъ ястребъ...

Только что я это сказала, как примѣтила позади тетушки голову въ чепчикѣ съ зеленымъ бантомъ, смотрѣвшую на меня недобрыми глазами.

— Не отдавайте Машки ястребу, закричала я, сама не помня, что говорю.

— Полно.., что съ тобой? у тебя жаръ, сказала тетушка, приложивъ руку мнѣ къ головѣ. Ты, вѣрно, простудилась вчера... Но что это значить? за чѣмъ здѣсь на табуретѣ фарфоровая тарелочка? Ты знаешь, Варя, что я не велю трогать этихъ вещицъ,

— Это было надобно для билетиковъ. Снѣжокъ принесъ. По жребію выбирали.

— Что она говорить? Ты рѣшительно бредишь...

— Они рассказывали свою исторію. Только не всѣ успѣли. И какъ это интересно про гепарда! Это „охотничій леопардъ“...

— Вѣрно, это ты читала у Брэма; полно вставай скорѣе, пора чай пить.

Я поднялась со скамейки. Г-жа Спицына проворчала, глядя на меня, „избалованная дѣвочка“! и хотѣла взять Машку на руки, но та царапнула ее и выскочила въ садъ черезъ окно. Я умылась, напилась чаю и пошла отыскивать Сашу, который уже давно исчезъ, какъ объявила мнѣ Осиповна. Проходя черезъ дворъ, я увидала Гнѣдко: Иванъ запрягалъ его въ тѣлежку, чтобы ѣхать въ городъ. Я подошла къ Гнѣдку, погладила его, дала ему кусочекъ хлѣба и спросила тихонько:

— Что, гнѣдко, не дали тебѣ спать въ эту ночь?

Гнѣдко только выразительно посмотрѣлъ на меня своими умными глазами.

С. Воскресенская.

„СОВРЕМЕННЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ“
ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ
ПЕРЕВЕДЕНЪ на НОВУЮ УЛИЦУ, № 4.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Выслагаетъ по первому требованію всѣ находящіеся въ продажѣ книги, русскія и иностранныя, учебники, учебныя пособія, ноты, канцелярскія принадлежности, а также принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты по редакціоннымъ цѣнамъ.

Гл. книгопродавцамъ обычная уступка. Для частныхъ лицъ, „Современный Книжный Магазинъ“, принимаетъ на себя пересылку при заказѣ не менѣе 25 руб.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ДЕРЕВЕНСКІЕ МАЛЬЧИКИ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕЕВЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 августа 1881 г.
Типографа А. С. Сувогана. Утселедъ нтр., А. № 11—2.